

Дэви

Полный пиздец

Файл подготовлен редакцией портала «Парни ПЛЮС»

www.parniplus.com

ГЛАВА I — ДЕТСТВО

ЧАСТЬ I — РАЗВАЛ

Я родился 25 апреля 1999 года в городе Санкт-Петербург, не в самой стабильной и благополучной семье, где отец не работал.

Где-то параллельно с моим поступлением в первый класс моя семья развалилась, мать и отец поссорились и то ли отца изгнали из дома, то ли отец сам сбежал.

Р. S. кстати, мне в том числе было всегда стыдно говорить «мама» и «папа», вместо этого всегда было обращение через имена.

Итогом стало то, что мать ушла работать проституткой, а меня оставила на воспитание младшей сестре — Наташе. Развода не было, поэтому не было никакой помощи со стороны отца. Все детство меня растила Наташа.

ЧАСТЬ II — ОТЧИМ

Через некоторое время мать нашла какого то, видимо ее постоянного, клиента и провозгласила его отчимом для меня. Меня отправили к ним, на квартиру этого отчима, а также перевели в другую школу.

Это был контраст сразу с двух сторон. Сначала я учился в гимназии, а перевелся в среднестатистическую школу. Меня воспитывала добрая и понимающая тетя, а потом мать-алкоголичка с рандомным мужиком,

который меня бил и унижал во имя якобы моего светлого будущего, явно давая мне понять, что мое существование нужно, только чтобы я стал опорой для них в старости.

ЧАСТЬ III — ПЕРВЫЙ БУЛЛИНГ

В школе мне тоже не удалось адекватно интегрироваться, на переменах я просто смотрел в окно, а до меня докапывались одноклассники: скидывали предметы со стола, высыпали рюкзак на пол, толкали в спину и даже устраивали драку.

Отчим говорил, что если меня бьют в школе, то я слабак и должен показать силой, что со мной нужно считаться, и только тогда они отстанут. «Ударь главного и остальные разбегутся». Тем временем именно жизнь с отчимом сделала меня тем, что другие дети называли «шуганый».

ЧАСТЬ IV — ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ

Отчим бил меня почти за все и даже за ничего. Наказания были разные: побои, лишения, классическая порка. Что запомнилось мне больше всего, так это когда меня поставили в угол коленями на горох на всю ночь.

Однажды мне ничего не задали на выходные, но отчим не поверил и выгнал из дома, сказав «без домашнего задания не приходи». Мне было лет 9, и, может, я какой-то глупый или аутист, не знаю. Я сам начал сомневаться в своей памяти и пошел к единственному другу, которого нашел в школе и которого тоже чмырили за то, что у него нищая семья. Спросил у него — действительно, ничего не задали.

Я хотел остаться у него на ночь, но такой опции, к сожалению, не было. В общем, я придумал случайное домашнее задание, чтобы вернуться домой. На улице стояла зима, и мерзнуть даже в подъезде было так себе идеей.

Я вернулся с этим заданием — и меня все равно выпороли, уже за то, что я его якобы не записал. Затем меня заставили делать домашнее задание, которое я сам же выдумал. Я был глуп, вероятно, и не осознавал, как правильно поступить в этой ситуации.

Затем в школе учительница проверяла тетради и увидела, что у меня что-то не то записано, перечеркнула все и вызвала меня. Я запаниковал, что за это накажут дома, она вывела меня к психологу, и там в кабинете были и психолог, и т. н. «педагог социолог».

Психолог была относительно деликатна и расспросила, почему так все плохо, но потом включилась «педагог социолог», и она начала угрожать полицией, детдомом и прочим, если я не дам признательные показания против родителей.

Она использовала виктимблейминг, оскорбляла меня, психологически давила. При этом я понимал, что если скажу хоть что-то, то она непременно сдаст меня в детдом. Но все, что она говорила, все равно заставляло меня чувствовать себя хуево.

P. S. В России родители угрожают детям детдомом за плохое поведение, потому что детдом — это как ад для детей, там их избивают, насилуют, пытаются и отправляют на принудительное лечение в псих. больницу в качестве наказания.

Меня держали в кабинете до вечера, пока не пришел отчим. А он, как оказалось, был ментом, и ему все сошло с рук, он меня просто оттуда забрал.

Дома меня возненавидели. «Я тебя и пальцем больше не трону», — прозвучало от него вместе с кучей осуждения и угроз сдать в детдом. Меня воспринимали как предателя семьи и лишили обеда в тот день.

«Помощь» извне навредила мне больше, чем ежедневные акции насилия.

Я старался не возвращаться домой, сидеть на продленках и кружках, меня забирали только к самому позднему вечеру, я почти ничего не ел, ибо еда в школе была платной, а дома ничего не готовили на меня. Но длилось это недолго.

ЧАСТЬ V — НЕ ЗАБРАЛИ С ПРОДЛЕНКИ

В один день меня просто не забрали с продленки, — а с нее не выпускают просто так, нельзя уйти. Директор не смогла дозвониться до родителей, кто-то даже сходил к ним постучаться, там никто не открыл. Не было найдено никакого решения, кроме как забрать меня домой к руководительнице продленки.

Естественно, мне было максимально некомфортно от того, что мне оказывают гостеприимство и заботу, которые не предписаны нормами закона и которые я чувствовал незаслуженными. К счастью или сожалению, мои родители объявились в уже закрытую школу, охранник оповестил об этом директора и педагога.

После этого меня обвиняли, что я сам не ушел домой и не сопротивлялся развитию событий, но я послушный и меня буквально воспитывали так, чтобы следовать тому, что говорят взрослые и не принимать своих дурацких решений.

ЧАСТЬ VI — ОТРЕЗВИТЕЛЬ

Последним гвоздем в гроб той школы был пьяный визит моей матери, я тогда был на кружке рисования и никого не трогал, просто рисовал дурацких птичек.

Мать подралась с охраной и меня вывели с кружка в кабинет директора. Его забаррикадировали, пока мать пыталась его штурмовать, директриса поедала свои пирожные, а «педагог социолог» набирала полицию. Я уверен, что знаю не все детали этой истории и, возможно, мать как-то спровоцировали на этот конфликт.

Мать и меня конвоировали в отделение полиции. Мать посадили в вытрезвитель, а я сидел на лавочке в коридоре и впитывал в себя вопли алкашей из камер, осознавая ужас происходящего. Мне все еще было 9 лет.

У меня было достаточно времени подумать о том, что мое детство непоправимо изуродовано. Что самое ужасное, дурацкий тейк из рекламы по телеку — «мороженое 40 копеек, потому что детство не повторяется», — заставил меня всерьез задуматься, а не потерял ли я лучшую часть своей жизни в этом всем. И что я уже никогда не увижу той же доброты и ласки, которую видел от родителей друзей и даже от того педагога, который меня забрала к себе.

ЧАСТЬ VII — ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Затем меня вернули к Наташе и в прежнюю школу, но я не смог пройти экзамен для поступления в тот же класс. Программа обычной школы сильно отставала, да и я сам не особо-то и гением был тогда.

Поэтому я оказался на класс ниже, чем мои бывшие одноклассники, и они троллили меня, когда видели. В тоже самое время с тетей Наташей была полная нищета и меня также троллили за внешний вид, мол «бомж» итд. Буллинг продолжался.

Когда меня довели до белого каления, я наконец проявил первую жестокость и подкараулил моего обидчика и врезал ему мешком со сменкой по лицу со всего размаха. Мой поступок осудила как тетя Наташа, так и школа. Но на это, к счастью, закрыли глаза. Школе было, в принципе, насрать что такое происходит.

Тем не менее, насилие продолжилось, и я решил сделать с этим так же, как в тетиных дурацких сериалах про ментов. Я решил написать заявление и отправить его. Я насобирал мелочи и купил конверт с марками, адресовал в прокуратуру г. Санкт-Петербурга и, не особо надеясь на какой-то результат, отправил письмо, просто бросив в синий ящик на стене здания почты.

Буллинг продолжался, и я уже забыл, что что-то отправлял. Я уже привык, что мои дурацкие решения никак не действовали. Через пару месяцев меня и главного зачинщика сняли с уроков, и там уже сидела его рыдающая мама и сотрудник полиции. А также представители школы, которые во всю отрицали, что вообще что-то происходило.

Позвали меня, только чтобы попросить отозвать заявление, пообещав, что меня точно больше не будут обижать. Мне, естественно, стало совестно, и я отозвал. С тех пор конкретно он больше не докапывался, а с ним перестали и другие.

Я уже думал, все закончится хэппи эндом, и я вернусь к обычной нормальной жизни.

Но я отравился чем-то либо у Наташи, либо в школе, из-за чего меня госпитализировали в какую-то стремную больницу с видом то ли на тюрьму, то ли на непойми что. Из окна были видны стремные катакомбы из красного кирпича, я лежал в изолированном блоке с кишечной инфекцией, еще были разные люди, по три койки в боксе.

Меня рвало и вообще суперхерово было, и все время я там просто пялился в окно в изоляции, боясь разговаривать с кем-то, чувствуя стыд за то, что со мной происходит.

Затем я вроде вылечился.

У Наташи появилась новая жизнь, мать тоже какие-то планы строила без меня, и поэтому меня отправили к отцу в деревню.

ГЛАВА II — ДЕРЕВНЯ

ЧАСТЬ I — ОТЧИЙ ДОМ

Отцу, естественно, нужен был не я, а деньги, которые мать отсыпала на мое содержание. Я настолько был не нужен, что отец тратил все на себя, сигареты, фотосессии для поиска новой девушки, улучшал машину, я же все детство питался макаронами «спиральки» без соли и масла.

Делать там было особо нечего, но можно было выходить в интернет с ноутбука отца, пока тот спит или занят чем-то другим. Кроме того, иногда я ходил на рыбалку с другом или собирал дикие яблоки, ревень, березовый сок, они скрашивали мой рацион.

Это было лето 2010, мне тогда стукнуло 11, я был обычным ребенком, пусть и странным. Я не чувствовал никакого стыда или отвращения к своему телу, у меня было полно друзей, и я ходил купаться на речку. И, в общем, вроде был нормальным.

Отец не разрешал уходить далеко, однако друзья вечно звали нарушить запрет и подкалывали по этому поводу. Со временем я начал уходить все дальше и дальше из двора, каждый день я проходил все дальше, чтобы увидеть что-то новое, ибо в деревне было не так много развлечений, домов, потенциальных друзей.

И вот сентябрь, школа, меня вроде не буллят, все хорошо, многие из моих друзей на класс старше: меня же при смене школы оставили фактически на второй год. Так-то они были моими ровесниками.

Один мой друг был одержим пироманией, я встретил его случайно и мне понравилось, что он делал. Какие-то очень шизовые идеи я, конечно, не поддерживал, но в общем мы были лучшими друзьями, ибо я тогда не осознавал, что питаю к нему не только дружескую симпатию.

Мы многое делали, занимались электроникой, и вот в один день я его продинамил, ибо у меня после школы были киностудия и другие кружки. В тот же день он сделал глупость, взял 10 литров бензина и попытался бахнуть ими старый дот. Он не понимал, что бензин горит парами. Как итог — он взорвался при попытке это сделать. С ним был один из других моих друзей, которого после обвиняли в том, что он не уследил или спровоцировал на это.

К следующему лету я узнал, что друг с ожогами и после операции живет в другом доме на отшибе, на краю деревни, и не ходит в школу именно из-за шрамов и прочего. Я решил туда добраться. У меня тогда был велик, и я уже не особо соблюдал территориальные границы отца. Я

приехал на самый край деревни и нашел там его и другого мальчика, они банально во что-то играли, я стал приезжать каждый день. Мы тусили у них дома.

ЧАСТЬ III — ПЕДОФИЛ

Это было лето 2011, мне было 12 лет наверно. Каждый раз по пути туда и обратно я проезжал подозрительный дом, о котором ходили разные плохие слухи. Однажды пятеро братьев, которые там жили, остановили меня, когда я в очередной раз направлялся оттуда вечером, поинтересоваться, кто я вообще такой и почему езжу постоянно. Я, естественно, был дружелюбен. Слухи «там бомжи и наркоманы какие-то живут» я игнорировал, ибо сам понимал, что такое быть изгоем, на которого наговаривают.

Они были весьма странными и грубоватыми, каждый от мала до велика матерился и курил, даже самый маленький, на вид года 3-4. Мне было поначалу не очень комфортно, но потом я привык к ним, хотя не очень мы и общались, ибо стиль общения у них был как у гопоты. Тем не менее, некоторые из них выглядят даже милыми, пока не откроют рот.

Старшему брату было лет 20 с чем-то, он проявлял ко мне излишнюю вежливость. В один день мы все-таки зашли в их странный дом, в котором я ни разу не был. Он позвал — типо в гости, и мы поднялись на чердак, якобы посмотреть там ноутбук, игры, все дела. Но это был просто темный чердак. Когда мы там оказались, он запер как люк, так и дверь. И начал меня помогать.

Лезть под одежду и делать разные неприятные и странные вещи. Я не мог сопротивляться или закричать, потому что боялся его. Когда он

приступил к своему гнусному делу, его братья, будто все зная, начали подниматься на крышу, и он остановился. Мне удалось убежать в тот день, он преследовал меня и цеплялся за багажник велосипеда, пока на него не начали нападать прохожие. Это был вечер.

Придя домой, я сразу решил помыться, так как мне было страшно, что я мог подхватить какую-то заразу там. С тех пор я старался не вспоминать об этом и боялся, что кто-то узнает, поскольку это могло стать поводом для стигматизации и буллинга на всю оставшуюся жизнь. Я чувствовал свою вину, что уехал так далеко, как отец не разрешал, и что не закричал, когда все началось. Я тогда ничего не знал про секс, но понимал, какие места точно нельзя никому трогать.

Наверное, это было первое, что меня действительно сломало. Несколько раз вспоминая прошлое и даже чувствуя, что что-то из его действий мне нравилось, и вообще мало кто в жизни проявлял ко мне столько ласки... Это все заставляло меня чувствовать еще больше вины за то, что со мной произошло.

С этого момента я почти не выходил из дома и не гулял. Я также перестал заниматься на физкультуре, ибо мне было стыдно смотреть на других мальчиков в раздевалке и показывать свою оскверненную тушу.

ЧАСТЬ IV — Безответная Любовь

Позже, уже лет в 13, я осознал, что я гей. У меня было достаточно времени, чтобы в этом убедиться, я часто занимался самокопанием с последней травмы и переосмыслял свои чувства. Покопавшись достаточно в интернете, пришел к выводу, что я гей.

Одного мальчика я очень сильно романтизировал у себя в голове, поскольку видел в нем какой то эталон эстетики и красоты, в том, как он улыбался, как у него уложены волосы и как сияло для меня его лицо. Можно, наверное, сказать, что он был слегка похож на девочку, я не видел в нем присущей всем грубости и хамства.

Я всегда боялся с ним поговорить, чувствуя себя недостойным, да и понимая, что мне и сказать нечего. Шанс того, что он не натурал, равен нулю. Мои чувства остались безответной любовью, и я мог лишь наблюдать за ним со стороны.

Возможно, я также видел в нем всю ту красоту и счастье, которых лишился за годы издевательств над моим детством.

Я еще не чувствовал никакого полового влечения или возбуждения или чего-то в этом роде, я читал про это, но никогда не пробовал и не имел желания попробовать.

ЧАСТЬ V — Странные Практики Самозаботы.

Между тем я так же чувствовал отсутствие родительской любви и каждую ночь перед сном воображал ее так, как она нарисована голливудом. Представлял, что гипотетические заботливые взрослые целуют меня, укрывают одеялом и говорят какие-то ласковые слова.

Р. С. Я не мог даже представлять своих родителей в этой заботливой роли, поскольку они только портили образ, они всю жизнь были довольно черствыми и строгими.

У меня были странные мечты, я мечтал однажды заснуть и проснуться в другой семье, где-то далеко, где меня бы любили, а не то, что я имел.

Когда я видел родительскую любовь на улице или у моих друзей, любовь, которую они не ценили в своих родителях, у меня наворачивались слезы. Такой любви я никогда не мог получить, в то время как кто-то другой это даже не ценит.

Квинтэссенцией этих чувств я видел образ малыша. Лицезрея материнскую заботу где-то на улице или в фильмах, я очень часто был на грани от того, чтобы заплакать. Раньше я и не осознавал, почему меня трогали такие сцены, но позже понял, что я сам хотел быть тем малышом и иметь такую заботливую маму.

Я практиковал разные практики самозаботы. Сначала я просто гладил сам себя, затем представлял воображаемую заботу и любовь.

В конечном счете я начал заворачиваться в одеяло как младенец, делал самодельные подгузники и мочился в них.

Это все казалось очень странным и стыдным, но эти практиками я чувствовал себя любимым, пусть и никем, они давали мне чувство спокойствия и безопасности.

К тому моменту я нашел такую субкультуру как ABDL — это группа взрослых людей, которые по схожим причинам воображают себя маленькими. Прочитав достаточное количество материалов, я осознал, что мой единственный путь к обретению тех чувств, в которых я нуждался, был только через эти практики.

Я с каждым днем чувствовал свое отчуждение от общества, в котором рос. С каждым днем мне все больше хотелось любви, заботы, объятий, недоступных мне. Я не гулял и даже с друзьями детства общался очень редко на тот момент. Лето 2012 прошло в полном затворничестве, ибо я стеснялся своего тела и с тех пор более ни разу не ходил на речку.

Зато я начал думать о будущем, собрал себе комп из говна и палок и, так как он ничего не мог по своей производительности, учился на нем программированию. Постепенно запчасти в нем заменялись и улучшались, пока от первоначальной конфигурации не остался лишь корпус. Я знал, что за пределами России есть добрые и хорошие люди, я чатился с ними, и все, что мне говорили, звучало, как сказка.

Кроме тех случаев, когда я делился своими переживаниями в сети с кем-то, кто был из России. Меня чморили или говорили, что не хотят слушать такой бред. В то же время люди с Запада всегда выражали сочувствие и поддержку.

ЧАСТЬ VI — Побег

В школе началась новая волна буллинга, уже на почве того, что я перестал заниматься на физре и расжирел. Во мне и так сидели сильные и тяжелые эмоции, и было не до внешних раздражителей. В один день меня довели до белого каления, и я не стал никак ни с кем бороться.

После школы я ушел в лес, а не домой. Мне было лет 16, и я пошел пешком в Финляндию по рельсам. Эта была ближайшая из нормальных стран, куда я мог уйти. Это было глупое решение, я определенно переоценил свои возможности. Но я был избит, опозорен и больше не хотел, чтобы меня видели.

В моей голове было две мысли, если я дойду. Я наконец освобожусь от всего этого. Там, куда я иду, полно добрых и хороших людей, которые не травмируют меня и с которыми я раскроюсь и зацвету. Если же я не дойду и умру, то меня хотя бы не найдут, и это будет означать, что такова судьба и я просто не достоин жить.

Уже была темная ночь, шум ветра и деревьев, стремные тени и образы в лесах и ощущение, что за мной кто-то наблюдает, пугали меня больше, чем вой волков где-то вдали. Я проходил по абсолютному лесу и несколько раз выходил в села, которые были остановками поезда. Я шел пешком по рельсам, ибо не хотел проблем с законом, денег на поезд у меня не было.

Я промок до ниточки и дрожал, была сильная зима, а на мне не самая теплая одежда, даже местами рваная. На каждой платформе я делал передышку, много кто мог видеть, как я страдаю, и никто не обращал на это внимания.

Затем я шел крошечными лесами, остановки в которых представляли заброшенные платформы и совершенно безлюдные деревни, где никого не было. Было одиночество и чувство, что кто-то наблюдает.

Мне было так холодно и больно, что я хотел сдаться и мечтал о том, чтобы кто-то обо мне позаботился. Тем не менее, я шел и шел, пока не вышел к железнодорожному мосту.

...обойти который было негде, шаг влево, шаг вправо с путей — болота, а на подходе написано, что проход категорически запрещен. Я долго думал, идти или не идти. Возможно, я был уже на грани того, чтобы замерзнуть и сдохнуть, я посмотрел вдаль, чтобы убедиться, что поезд не поедет, и пошел к мосту.

Из неприметной будки вышел военный с автоматом наперевес, и на этом мое движение было окончено. Я сидел в этой будке как пленник и дожидался полицию. Затем меня увезли в отделение, где стебались, что я сбежал из дома и планировал уйти пешком из России. Потом пришел озлобленный отец, и мы вернулись назад в деревню.

На следующий день я пришел в школу как ни в чем не бывало. Меня попыталась допросить социальный педагог, но я послал ее нахуй и скрылся с места. Ибо знал, чем такие расспросы заканчиваются.

ЧАСТЬ VII — Конц. Лагерь

В начале лета нас вызывали на педсовет, где отцу впарили идею сдать меня в бесплатный летний лагерь на 12 дней. Якобы он сам не способен обеспечить досуг и питание.

Естественно, он согласился. Меня против воли этапировали на лагерь, где оказалась «военно-патриотическая смена». Я был не в восторге узнать, что меня везут на гибель.

По приезду был небольшой медосмотр, а затем меня разместили в комнату, которая напоминала ту одинокую больничную палату. Что меня смутило, так это отсутствие замков в туалете, да и в принципе везде, — это просто издевательство над человеческой приватностью. В комнате стояли три кровати и, соответственно, кроме меня заселили еще двух мальчиков. Мне было неловко там находиться.

Один из них был излишне маскулинным и взрослым, его присутствие пугало меня тем, что он мог быть потенциальным субъектом насилия. Второй же был, наоборот, очень милым, что пугало меня тем, что он мог быть потенциальным объектом возбуждения.

Я при них не переодевался и не раздевался, когда ложился спать, и долгое время не мог заснуть, ибо мой мозг оставлял меня в чувстве опасности и тревоги. Первую ночь я не спал вообще и бдел в оба глаза.

Наутро нас разбудил человек в военной форме, и мы вышли строиться перед бараками, а затем на пробежку вокруг них, после чего были утренняя зарядка и построение на плаце. Когда все построились, включился гимн и начали поднимать флаг России.

В этот момент мне стало суперплохо, я был изнурен физически и перекрутил в голове мысль, что меня будут так физически насиловать еще 11 дней. В глазах потемнело, я потерял зрение и едва держался на ногах. Я не мог позвать на помощь, ибо так я бы показал себя слабым, а это место — оно как тюрьма или дурка, в нем нельзя проявлять слабость.

Ноги перестали меня держать, в судорогах мышцы ослабли, я свалился на асфальт и начал терять слух, гимн и посторонние шумы стихали, боль после зарядки пропадала, и я почувствовал блаженную свободу смерти. Я был один в пустоте, в полной сенсорной депривации.

Я не знаю, сколько так провалялся, но мне понравилось, ибо ощущение своего тела — это постоянная боль, которую мы не чувствуем. Когда я потерял это ощущение и был чистым сознанием в пустоте, я наконец почувствовал настоящую свободу.

К сожалению, рано или поздно приходится проснуться. Меня вернули к жизни. Дали таблеток от давления и на этот день отпустили просто полежать.

Не все были так добры как доктора и, обесценивая мои страдания, намекали на мою полноту и что я должен туда идти и заниматься. Осуждали, что я лежу и ничего не делаю, вызывая чувство совести и стыда перед другими за этот инцидент, который произошел без моего контроля.

В этом лагере не было веселья, в основном в нем были грубые и озлобленные дети из детдома и нищих семей. Программы нельзя было пропустить: если ты устал и не можешь больше ничего делать, всех остальных

из отряда заставляли приседать или отжиматься, пока ты не встанешь и не продолжишь страдать.

После такого отряд был не очень благодарен, некоторых даже избивали и чморили за их никчемность и нежелание что-то делать. Коллективная ответственность — это зло.

Кроме того, там практиковались пытки, похожие на армейскую дедовщину. За проступок одного весь корпус поднимали ночью и заставляли маршировать или идти гуськом на корточках несколько кругов вокруг корпусов. Была пытка, где заставляли долгое время держать стул на вытянутых руках перед собой.

Никто из нормальных родителей не отправлял своих детей конкретно в тот лагерь и на ту конкретную его смену.

Остальные 11 дней прошли однотипно. Я считал каждый день, ожидая, когда вернусь. Нельзя было покидать территорию: кто так делал, тех ловили и изолировали. Вся суть лагеря была в том, чтобы сломить волю, подчинить, это были изнурительные спортивные тренировки и промывка мозгов патриотизмом и милитаризмом. Не было ни минуты, ни секунды покоя, каждый день был распланирован так, чтобы заебать до смерти.

При этом я почти ничего не ел, ибо едой там была самая обычная каша, которая вызывает у меня рвотный рефлекс, и почти не спал, потому что я просто физически не способен заснуть в присутствии посторонних, осознавая, что я ничем не отделен от людей, которые при желании могли бы надо мной надругаться.

В общем, я сожалею, что не сбежал в первый же день. Вернувшись, я был безгранично зол на отца, на социальных педагогов и вообще на весь

мир. Единственное, чему меня научил тот лагерь, так это тому, что нельзя доверять ни родителям, ни государству, никому.

ЧАСТЬ VIII — Исповедь

В 16-17 лет я был очень депрессивным. Тогда я решил написать книгу о себе и своих переживаниях, подобную этой, но с бóльшими подробностями, вышло 143 страницы. Я не писал, что планировал выпилиться, но сама книга подавалась как исповедь.

Я решил сделать камингаут матери, а она умерла за день до того, как я решился. Мне пришлось ехать в морг на опознание, потому что отец потерял свидетельство о браке и из доказательств родства было только мое свидетельство о рождении. После этого я все равно сделал камингаут, но уже тете. Она сначала подумала, что это какая-то шутка или розыгрыш, но я был серьезен. Ей не понравилось то, что она прочитала, но я взял с нее слово, что она никому не скажет.

В один день, когда меня вызвали к психологу, я дал флешку и ушел. На следующий вызов я получил флешку назад со словами «нам тут такие проблемы не нужны, доучисься, будешь где-нибудь в другом месте такое рассказывать, но вообще такое лучше не показывать никому».

У меня было много мыслей о том, как устроить свой последний день. В основном было два сценария, либо устроить кровавую резню в школе, либо повторить опыт с лесом, но сделать что-то, что точно бы не дало мне выжить: привязаться к дереву, повеситься.

Об этом я даже попросил одного своего друга, он был солидарен в моем праве на самовыпил, если мне хреново, но захотел узнать мотив. Я дал ему прочитать тоже самое, и он просто отдалился от меня.

Я еще долго сомневался и не пробовал задуманное, и думал — ну, наверно, в 18 лет у меня все образуется, я перестану быть юридическим инвалидом (я так называю все детство в целом), смогу сделать себе загран и улететь из этого ужаса.

ГЛАВА III — Взросление

ЧАСТЬ I — Карлссон

К 18-летию ко мне прилетел один из давних друзей по переписке, он жил в Швеции и попытался мне помочь выехать из России. Я долго думал, что он шутит, ибо мало кто даже в рамках области был бы готов приехать ко мне и поддержать, а тут человек прилетел в другую страну ради меня одного, а я ему был никто от слова совсем.

Я, конечно же, понимал, что, возможно, я был просто объектом его влечения. Он гладил меня, обнимал, лелеял, я к тому времени уже понимал английский и немного шведский, в общем, ко мне проявлялись забота и желание помочь. Никто доколе не был ко мне так добр.

Мы провели около недели вместе, половину времени мы всячески развлекались, я показывал ему Питер и объяснял вещи, которые у нас не принято делать. Например, рано утром он принялся сортировать мусор, при этом у нас буквально под окном был такой срач, — не то что сортировка, люди даже несортированным мусор до мусорки не доносили, это центр Петербурга.

Мы с ним приходили во все шарашкины конторы, чтобы сделать мне загранпаспорт. Мутное МВД, где мы были, отказалось по причине, что

у меня нет ни приписного, ни военника. В военкомате отказались выдавать что-то из этого, т. к. я не вставал на воинский учет. Кроме того, люди там очень сильно хамили и злились, я убежал до того, как мне решили всучить повестку, чтобы загрести.

Я был очень расстроен. Он даже у посольства стал вымаливать какие-то возможности, но, к сожалению, ни загран, ни какой-нибудь *Leissez-Passer* я в тот день так и не получил, а на лоб мне визу наклеить было нельзя.

Я не мог его больше держать, ибо чувствовал, что очень сильно напрягаю. Он улетел, но обещал вернуться. В общем, я снова остался один, и мои мечты покинуть этот ад рухнули.

ЧАСТЬ II — Навальный 2018

От отчаяния и безысходности я вдарился в то, чтобы изменить реальность вокруг на ту, в которую с детства мечтал убежать. У меня не было вариантов попасть туда, где я был бы принят, оставалось только пытаться что-то менять.

К тому моменту завирнулся Навальный с его тейком стать президентом здорового человека. Я искал работу и уже зарабатывал неплохие деньги на фрилансе, я посмотрел этого Навального и, конечно же, надеялся, что у нас еще есть шанс что-то изменить.

И, хоть я не мог волонтерить (т. к. жил в деревне на отшибе, вдали от ближайших штабов), я начал заниматься политическим активизмом. Сначала это были репосты и убеждение моего ближайшего окружения в том, что наше государство это просто жулики и воры, а наши законы будто

сам сатана напринимал, затем я планировал голосовать, но Навального к выборам не допустили.

Я смог один раз выбраться на акцию протеста в Санкт-Петербурге и видел все, что показывали на аналогичных акциях: толпы людей и ментов. Нас пытались разогнать, я убежал и спрятался в одном из подъездов.

С тех пор я больше никуда не ходил, ибо после этого митинга начались жесткие задержания всех и вся, и митинги в принципе запретили.

Я не стал идти на выборы, ибо голосовать было особо не за кого, все кандидаты были моральными уродами и подставными. Да и сам Навальный на тот момент агитировал бойкотировать выборы, в итоге и я и мое ближайшее окружение не пошли.

ЧАСТЬ III — Работа

Вскоре я нашел постоянную работу. Сначала на аутсорсе, сделал несколько проектов на одного бизнесмена и поднял немного денег, которые хотел вложить в апгрейд своего допотопного компьютера. Так я бы поднял и свою производительность, и возможность играть в игры, а кроме игр, у меня и не было никакой реальности.

Однажды нам отключили свет навсегда, ибо отец никогда не платил за электричество. Естественно, я был в ярости, — и этот человек постоянно третировал меня за все и во всем, не делал ничего по дому, ни уборки, ни посуду за собой даже не помоеет, пользовался мной как тряпкой, а сам даже за квартиру не платил все это время, просто наживал долги.

Мне пришлось спустить все деньги, чтобы закрыть годами копившиеся долги за свет. Я продолжил работать и из фрилансера стал сотрудником

на окладе. Однажды я рассказал обо всем начальнику, он был адекватным человеком и, понимая, что я там в деревне скопычусь, разрешил пожить в офисе.

ЧАСТЬ IV — Не могу говорить, я в офисе.

Я буквально переехал жить в офис, был там после закрытия и до открытия, все время. Остальные приходили и уходили. Т. н. офис по факту был переделанной квартирой, т. е. в нем были и спальня, и санузел, и кухня. В нем реально можно было жить и радоваться жизни. Хотя первое время я все равно жил на дошираках, запаривая их горячей водой из офисного кулера.

В рабочее время я сидел за компьютером и делал проект, над которым мы тогда работали, поддерживал работу других проектов. Я был находкой для своего босса, потому что редко можно встретить такой квалифицированный кадр еще не покинувшим страну. Но у меня не было IT образования, потому что не было особо денег, я всему обучался сам.

Иногда, запуская какой-нибудь проект, мы праздновали в офисе, собирались и другие люди с аутсорса на что-то вроде корпоратива.

В закрытые дни офиса я также встречался с разными людьми, у меня были даже свидания там, как с геями, так и с ABDL людьми. Там я впервые попробовал ABDL вживую, и мне понравилось. Это было свидание, в процессе которого у нас был не секс, а просто несексуализированные ABDL практики в виде взаимного ухаживания как за маленькими, с ношением соответствующей атрибутики, которой раньше у меня не было в принципе.

Босс знал все про меня и при этом не отвернулся, хотя изначально был более консервативен.

Фактически, офис существовал, чтобы набрать базовую команду по Питеру и уже потом перевести все на аутсорс. Все это время я копил деньги. Офис проработал несколько месяцев, пока, наконец, идея не перестала быть интересной начальнику.

Офис был расформирован. Босс решил уехать в свою родную Тюмень, оставив работу только на аутсорсе. Я решил отправиться с ним, поскольку для меня переезд в другой город означал возможность начать жизнь с чистого листа.

В Европу мне было все равно не попасть, а в Питере меня уже все и везде знают, тем более был риск быть найденным военкоматом. Я тоже улетел в Тюмень.

ГЛАВА IV — Становление

ЧАСТЬ I — Тюмень

Как только я улетел, я сделал камингаут отцу, ибо теперь я не планировал возвращаться к нему никогда. Я хотел жить честно перед собой и другими. Постоянно скрывать то, кто я есть, очень сильно глодало меня изнутри.

Снять квартиру было непросто: мало кто хотел сдавать для одного мужчины, ибо в этом регионе были какие-то предубеждения. То, что сдавалось для одиноких, выглядело как место, где умерла чья-то бабка. Как итог, пришлось обмануть арендодателя. Мой босс дал мне свою девушку погонять, чтобы мы выглядели как пара.

Это съедало меня до конца дней жизни в Тюмени. Я не смог начать новую жизнь без вранья. Мне пришлось обмануть, чтобы выжить в нашем консервативном и озлобленном мире.

ЧАСТЬ II — Первое Свидание в новом месте

Тогда еще не было моего ABDL сообщества, но все еще можно было найти различных людей даже в таких малонаселенных городах, как Тюмень. И я познакомился там с другим ABDL челом, который был еще и фурри, но мало чего рассказывал о себе, его звали Денис.

Я, как всегда, старался произвести хорошее впечатление, и поначалу вроде все так и шло. Мы немного пообнимались, поговорили, чтобы сблизиться: сеанс ABDL практик требует максимального доверия. У нас была ночь взаимных ухаживаний, затем он ушел к себе.

Позже, когда я ему написал уже с аккаунта в соц. сетях, он увидел мою политическую позицию и начал поливать грязью, хотя еще вчера у нас была атмосфера взаимной любви и доверия. Возможно, ему что-то не понравилось, и он был из тех людей, кто не может сказать это сразу и прямо.

Мы поссорились, и я больше его не видел.

ЧАСТЬ III — Возникновение Сообщества

Политическая обстановка накалялась и в сообществе ab-dl.live, где мы сидели. Администрация там была пропутинской, несмотря на то что тейком Путина являются «традиционные ценности», а ABDL хоть и не LGBT,

но все же ближе к LGBT, чем к пресловутым «традиционным ценностям». Они пилили ветку, на которой сидели, и отпугивали людей своими взглядами.

Кроме того, ab-dl.live отрицали АВ как часть субкультуры ABDL, для них это был лишь фетиш, они не принимали и не перенимали опыт западных сообществ, таких как, например, ADISC. Их сообщество существовало не для взаимопомощи и поддержки, но для поиска отношений, просмотра порно и рассказа извращенских историй.

Была целая группа несогласных людей, но нас было мало и не слышно. Окончательный гвоздь в крышку гроба ab-dl.live как сообщества поставил тейк с рекламой. Они теряли аудиторию из-за своей политики, многие перестали донатить на развитие, и тогда они добавили рекламные баннеры на сайт.

В тот момент мы познакомились с Лизой, она была ярким противником пропутинской идеологии в чатах ab-dl.live, а также разделяла мое отношение: мы должны быть не только фетиш сообществом, но и помогать людям, которые только к этому пришли, находятся в стрессе и не понимают, почему они такие, а не какие-нибудь нормальные.

Как итог, я основал adultbaby.ru, где воплотил все накопившиеся у нас идеи и мысли. Я сделал там и онлайн карту, и вики, и безопасное приложение для знакомств. Первое время сообщество работало только как информбюро о том, что такое ABDL и как это в себе принять и как с этим жить. Затем мы стали оказывать помощь, и уже потом выросли в крупное сообщество.

Жизнь пошла в гору, сообщество развивалось, развивался и я. Я даже смог сделать загранпаспорт. К тому времени появились МФЦ, которые не имеют личной заинтересованности в поиске призывников в армию,

а военный билет, как оказалось позже, был факультативным документом, и отказывать мне в загранпаспорте никто не имел права.

ЧАСТЬ IV — Лиза

Лиза была трансгендерной девушкой, с которой мы познакомились в ABDL сообществе.

Это был декабрь 2021 года, мы с Лизой наконец дошли до того этапа отношений, чтобы встретиться. Я взял билеты ей на январь 2022 года, и она прилетела.

Сперва мне было трудно принять ее, поскольку общение в интернете и общение в реальной жизни — это вещи, которые очень сильно отличаются. В интернете ты можешь использовать кучу мудрых слов и цитат и видишь такие же ответы от собеседника, в реальности же тебе приходится больше делать фокус на эмоциях человека и общение происходит довольно тривиальными словами. Было очень сложно принять Лизу и установить с доверительные отношения. На это ушли годы.

Первое, что мы с Лизой сделали совместно, — это борщ. Сварили мы его абы как, ибо у нас было разное мнение касательно томатной пасты, и нам пришлось добавить сахар, чтобы компенсировать излишнюю кислотность.

Мы рассказали друг другу все о себе. Лиза мне о дурке, я — о своем тяжелом детстве. Только рассказав друг другу все-все-все свои тревожные мысли и чувства, можно было довериться друг другу. Прошлый негативный опыт заставил меня более тщательно узнавать, с кем я знаколюсь и кого пускаю в дом.

Не сразу, но мы приступили к ABDL практикам. Лиза также стала модератором моего сообщества, потому что у меня появилось доверие к ней, а ее однозначная политическая позиция соответствовала правилам и миссии.

Были у нас и ссоры, и истерики, но мы всегда возобновляли отношения.

К началу февраля Лиза улетела обратно в Курск, поскольку еще до 24-го числа было ясно, что Россия сделает какую-то подлость. Мы видели в СМИ, как целые колонны военной техники стягивались к границе. А Курск — это приграничный город.

ЧАСТЬ V — ВОЙНА, ВОЙНА НИКОГДА НЕ МЕНЯЕТСЯ

После 24 февраля многие связи были разорваны, экономика, как и свобода передвижения, рухнули. Были дни, когда люди выносили из магазинов весь сахар, создавая необоснованный дефицит.

Я же подготовился к этому своей паранойей уже привычным мне методом: накопил макарон на год вперед, чтобы быть точно уверенным, что переживу, если начнется взаимное самоуничтожение.

В России нет бункеров, ибо люди никому не нужны. Я опасался, что случится что-то непоправимое, анархия или ядерная война. Однажды мне приснилось, как за окном вспыхнул ядерный гриб, который своей желтизной осветил все вокруг, а затем волна дошла до меня, окна выбило, и я проснулся.

Моя паранойя только росла. У меня пропала связь со многими украинскими друзьями, а многие российские друзья начали массово

улетать. Ибо государство начало отлов мужчин с целью под угрозой посадки в тюрьму отправлять их на войну.

Я уже не особо планировал куда-то, у меня была зарплата выше средней по стране, шикарное и очень дешевое жилье, меня огорчала только проводимая страной политика.

Естественно, я выражал свой протест, очень часто выражал, у меня крепились социальные связи с различными идейными людьми. Я не был диверсантом и тем, кто рискует своей жизнью, я просто выражал недовольство, как обычный человек, имеющий на это право.

Вышел закон, запрещающий распространять новости о войне. К несчастью, под действие закона можно было притянуть и личное мнение человека.

ГЛАВА V — ТЮРЬМА

ЧАСТЬ I — АРЕСТ

Вечером 6 мая 2022 года, где-то в 16–18 часов, ко мне постучали в дверь. Я параноик и никогда не открывал дверь неожиданным гостям. Я спросил, кто там.

В ответ мне сказали: «Сосед из 41й», — и не назвали причину визита, и продолжили стучать. Я открыл дверь, чтобы разобраться, что ему нужно.

Ввалилось целое полчище людей, которые избили меня и положили лицом в пол. Придавливая сверху ногами, не давая развернуть голову и что-либо или кого-либо увидеть.

На фоне всю квартиру переворачивают вверх дном. На мои вопросы никто не отвечает, мне ничего не говорят. Я просто лежу в шоковом и беспомощном состоянии и ничего не могу сделать. На тот момент я даже не был уверен, делают это полицейские или просто грабители.

Спустя несколько минут со мной заговорил человек, он оскорблял и унижал меня, что не подобает делать сотруднику полиции. На мои вопросы он не отвечал. Когда я спросил «кто вы», мне ответили «пидорасов ловим таких как ты», а когда я говорил, что у меня есть права, он говорил «ты сейчас на уровне плинтуса, нет у тебя никаких прав».

Он задавал разные вопросы и требовал отвечать прямо с пола. Какое мое отношение к курению, алкоголю, наркотикам, а также с кем я живу и за сколько снимаю эту квартиру. Затем начал задавать различные интимные и неэтичные вопросы.

Когда я отказывался отвечать или цитировал конституционное право на хранение молчания, он говорил «ответ неверный» и ударял меня по почкам с правой стороны. Он наносил удар за ударом, пока я не начну говорить. И в конечном счете я сдавался.

Так он сначала узнал, где лежит мой телефон, затем пароль от телефона, затем от компьютера. Все пароли выпытывались пытками. Он требовал также пояснять, почему в паролях использовались те или иные комбинации чисел или слов, например, паролем от телефона было число 1984, значение которого мне пришлось объяснять.

На сложный ответ он отвечал: «Я не понимаю, я из деревни», — и наносил удар. Еще среди его реплик встречалась фраза: «Ты сейчас у меня Донбасс восстанавливать поедешь».

Обыск дошел до спальни, и там они обнаружили мои предметы LGBT и ABDL направленности, некоторые были использованы, я не ждал гостей

в тот день. Там были дилдо, пробки и подгузники, а также мешок с использованными подгузниками.

Это вызвало ненависть и отвращение у сотрудников, мне стали угрожать применить эти предметы при допросе. Меня ударили дилдо, а затем швырнули часть предметов в меня, себе на потеху.

Мой стресс зашкаливал, подобные действия были не только недопустимы, но и явными правонарушениями. Я стал кричать и звать на помощь. Я надеялся, что кто-то из соседей услышит это и станет нежелательным свидетелем.

Мне заклеили рот скотчем, и дальше я просто лежал на полу и мычал, пока на фоне выносили все содержимое моей квартиры.

Когда обыск закончился, за спиной мне застегнули наручники, на глаза бросили футболку и замотали ее как повязку. Затем поволокли меня из дома, погрузили в фургон, где и дальше держали, чтобы я не размотался, и повезли.

Мне было страшно, я не знал, куда меня везут и что будет, при этом все события были для меня словно в тумане.

ЧАСТЬ II — ПЫТКИ

Меня привезли и подняли по лестнице, завели в какое-то помещение, посадили на табуретку. Расклеили рот, но оставили повязку на глазах, допрос продолжился.

Мне ударяли голове, ударяли в живот, давили сверху на голову, вдавливая подбородком в грудь, что вызывало боль в груди и ощущение, что шея сломается.

Насилие совершал один человек, как и задавал вопросы тот же один человек, а на фоне ему давали советы о том, как лучше поставить вопрос или причинить боль.

Угрожали закопать в лесу или кастрировать. На протяжении всего сеанса пыток мне задавали различные вопросы, словно интервью, пытаюсь понять, как я пришел к тому, чтобы ненавидеть Россию. А также узнать, с кем я еще поддерживаю контакт.

Я не выдал никого из своих друзей. Меня так долго пытали, что они думали, что я агент ВСУ. Мне читали нотации об Украине и пытались внедрить мысль, что Россия права в своих действиях. Но своими пытками они лишь закрепили мои убеждения в том, что Россия и все, кто защищает ее варварский закон — это ублюдки, садисты и маньяки.

Мастер пыточных дел, скорее всего, хотел, чтобы я сам додумался о том, какой закон я нарушил и чем именно. Возможно, так он хотел выявить и другие нарушения, о которых я мог подумать, но которые не являлись причиной визита.

Пытка длилась слишком долго. В конечном счете мне сказали, что сейчас выведут к следователю. Недвусмысленно намекнули, что если я скажу что-то не то, пытки продолжатся. «Следователь-то уйдет, а ты-то с нами останешься»

ЧАСТЬ III — СЛЕДОВАТЕЛЬ

Меня вывели из пыточной и повели умыться. Там с глаз сняли повязку и приказали привести себя в порядок, после чего вывели к следователю.

Следователь составляла протокол без присутствия адвоката, и почти никто не хотел ехать в отделение так поздно ночью. У меня не было права взять своего адвоката. Как итог, приехал адвокат, которого нашла сама следователь. Он был уже пожилой и, похоже, даже не понимал, что происходит.

Мне не предложили приватную консультацию. По мне было видно, что я запытан до смерти, но у адвоката не возникло никаких вопросов. Он был фиктивен и присутствовал минут 10, только для подписания протокола.

Я не смог прочитать протокол. Я был в таком стрессовом состоянии, что не смог различать слова в буквах, и тогда протокол зачитали устно. Я его подписал, поскольку мне просто не оставалось никакого выбора.

В помещение к следователю заходили разные люди, в том числе лысый мужчина. Как только он начал говорить со следователем, я сразу понял, что пытал меня именно он.

Я не спал с утра 6-го мая, на момент подписания был час ночи, уже 7-го мая. Я сидел там, в кабинете следователя. Затем следователь уехала, и я остался с сотрудниками, которые меня пытали.

Они повезли меня в какую-то поликлинику, чтобы проверить следы пыток. Врач нашел только гематому в области почек. Затем меня привезли обратно.

Вскоре после этого, уже в 8 утра, приехал конвой, и меня забрали в изолятор временного содержания.

ЧАСТЬ IV — ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Меня привезли в ИВС и посадили в камеру с каким-то вором в законе. В 10 часов этого же дня, 7-го мая 2022, мне был уже назначен суд. Все это время я не спал — не мог спать в присутствии преступника, с которым я сидел в ИВС.

Он грузил меня своими историями, подобно тому, как пристают алкаши. Я просидел там 2 часа, и меня этапировали в суд.

ЧАСТЬ V — ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

Я не спал уже сутки, пережил пытки и огромный стресс и не мог отойти от этого. Вся жизнь проходила мимо меня, а я просто шел у нее на поводу. Ни о какой достойной защите не могло быть и речи. Я был в ужасе, был готов умереть, лишь бы не проходить через все это.

Как и положено в России, в зале суда я находился в клетке. Когда суд начался, я почти не слышал, что перечисляла следователь и судья. Когда мне дали последнее слово, я не понял, что мне говорить, и просто высказал все, что думаю, — и что мое заключение под стражу, вероятно, окончится самоубийством, поскольку я боялся сексуального насилия, которое делают над людьми в тюрьме, если они принадлежат к ЛГБТ.

Вчерашний адвокат на вопрос: «Есть ли возражения у защиты по поводу меры пресечения», — сказал «возражений нет». Он не защищал меня никак. Я был категорически разочарован во всей судебной системе.

После чего меня поместили в бокс, ожидать, когда за мной приедет этап, чтобы забрать меня из здания суда в тюрьму.

ЧАСТЬ VI — ТЮРЬМА

За мной приехали те самые люди, которые пытали меня, и повезли в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Тюмень. Эта тюрьма существовала с 1700 годов. Когда я приехал, меня зарегистрировали, указав отношение к курению и религии. Вероятно, чтобы не посадить вместе враждующие религии и курящих с некурящими.

После формальной регистрации прошла неформальная с вопросом: «Ты кто по жизни?» — ее тоже проводил сотрудник тюрьмы, и по результатам меня должны были определить «к петухам».

В одиночном боксе я прождал полдня. Я смотрел на пол, сделанный из битой плитки, и думал перерезать себе шею куском керамики, поскольку мне было страшно даже думать о том, что меня ждет и как долго я буду сидеть в тюрьме.

В конечном счете меня поместили в одиночную камеру 176. Это было мрачное место с изуродованными, вымазанными чем-то стенами, крысами, что каждую ночь вылезали из «унитаза системы очко», и тараканами, падающими со стен прямо на лицо.

Там всегда пахло сыростью, тухлятиной и плесенью, всегда было сыро и холодно, а ведь я сидел летом.

Я хотел подать апелляцию, но сотрудники тюрьмы отказались выдавать ручку и бумагу, что фактически лишило меня какого-либо права субъектности.

ЧАСТЬ VII — ДОРОГА

К счастью, о моем неформальном статусе в тюрьме никому не было известно, и я смог коммуницировать с заключенными из других камер.

Мы плевали комками хлеба на веревочках в смотровые окна дверей камер и устанавливали сеть из ниток, по которым передавали различные предметы. Это называется «Дорога».

Таким образом, я все-таки писал заявления, которые были обязаны принимать. Но я почти не видел результатов.

В тюрьме я постоянно чувствовал одиночество и неопределенность, ожидание, что же со мной будет, это было невыносимо.

Я посадил зрение, а под правым глазом начала развиваться инфекция, выраженная большим то ли прыщом, то ли чем-то под ним. Страшно и непонятно.

Я объявил голодовку и отказался от пищи на все время заключения. Во-первых, еда была однообразной и безвкусной вываренной рисовой кашей, которую заключенные называли как «сечка». Во-вторых, туалет в камере был унижительным и негуманным: когда я над ним свисал, у меня сводило ноги, и я боялся, что из него выскочит крыса.

Мне было абсолютно нечего делать, и эти стены сводили меня с ума. Я набросил план своей тюремной камеры, измерив длину и высоту стен при помощи бумаги в клетку, две клетки которой, как общеизвестно, равны одному сантиметру.

На судилище я смог пронести заявление о пытках и передать его уже новому адвокату. Я также смог урезать свой срок вместо двух лет тюрьмы до 6 месяцев колонии поселения. Все это при помощи уловок, которыми поделились заключенные.

ЧАСТЬ VII — СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ

Так как 6 месяцев колонии поселения эквивалентны 3 месяцам СИЗО, меня должны были освободить 6 августа 2022 года.

Вместо освобождения меня держали вплоть до 8 августа. Никто из сотрудников тюрьмы не реагировал на мои заявления и требования немедленно меня освободить. Я думал, что меня не освободили ни 6-го, ни 7-го числа только потому, что они выпали на выходные.

Но 8-го числа меня все так же никто не планировал освобождать. Все дни я стоял у себя в камере с плакатами «где моя свобода?» и «меня должны были освободить 6го числа». Никакой реакции не было, сотрудник, находившийся за видеокамерой, игнорировал мое существование.

Заклученные из других камер говорили мне, что меня могли продлить. Я, естественно, боялся, что сотрудники найдут какое-либо еще «преступление». И я решил повесится.

Я был уверен, что всем плевать и никто не смотрит в камеру, но старался действовать быстро. Только закончился обход, на котором я получил очередной отказ комментировать мое уже незаконное заключение под стражей, как я перебросил простыню через трубу над окном и, забравшись по решетке окна, готов был спрыгнуть и затянуть простыню на своей шее. Я был уже совсем в отчаянии, ибо боялся неизвестности, которую сулило будущее.

Я висел на окне, на мне висел плакат, и я прыгнул вниз. Я почувствовал, как петля на шее сжимается, но все еще мог что-то сделать, мог зацепится обратно за решетку окна.

В камеру влетели сотрудники тюрьмы и срезали меня с петли, после чего вывели к начальнику. Который сделал вид, что все это время и не знал, что я делал и что меня пора освободить.

Меня освободили в тот же день, и я вышел на свет.

ГЛАВА VI — ДЭВИ ОСВОБОЖДЕННЫЙ

ЧАСТЬ I — ВОССТАНОВЛЕНИЕ

По выходу из тюрьмы мне не были возвращены мои средства и телефон, я скитался по городу и ориентировался по солнцу, чтобы найти дом моего босса. У меня не было иных вариантов.

У меня был его номер телефона, но никто не хотел помочь мне и позвонить ему, никто не хотел даже подсказать дорогу. Я застрял. Мне пришлось очень долго и очень далеко идти, обойти почти весь город, чтобы найти его.

В квартире, где он раньше жил, уже жила арендаторка. К счастью, она позвонила ему, и я наконец был спасен. Без него я и не представляю, как бы восстанавливал все свои вещи и деньги, у меня не было ничего.

Я получил невыплаченную за май зарплату, купил телефон и одежду, снял самый дешевый отель, отмылся от тюрьмы и переоделся. На следующий день я забрал компьютер и телефон из архива суда, забрал конфискованные деньги из следственного комитета, но вернули только рубли, валютные резервы были экспроприированы.

В следственном комитете я пересекся со своей следователькой, и она угрожала повторным преследованием, если я не покину территорию тюменской области.

ЧАСТЬ II — РЕАБИЛИТАЦИЯ

13 августа я приехал к Лизе в Курск, перед этим совершив остановку в Москве у знакомых активистов, обдумать дальнейшие планы эвакуации. К несчастью, бежать было особо некуда, и мне пришлось залечь на дно в пределах России.

Я отсиделся одну ночь у Лизы, и мы начали искать мне новое жилье в пределах Курска. Лиза жила с матерью и братом, и мое присутствие создавало напряженные отношения между Лизой и ее семьей, мне тоже было неприятно находиться на чужой шее.

Я переехал в новую квартиру, ко мне приехали все мои вещи, я даже восстановил медицинский полис, чтобы обратиться за помощью в больницу: очень сильно ухудшилось зрение в левом глазу из-за инфекции в нем.

Пока мы находились в страховой и восстанавливали полис, до нас с Лизой докопались два ватника в одежде с Z-символикой, требовали пояснить за длинные волосы от Лизы, а от меня за крашенные волосы.

К счастью, после тюрьмы я нашел злые и опасные слова, которые заставили их заткнуться и отступить. Такие случаи нередки для России: когда к тебе докапываются из-за внешности. Эти люди хотели убедиться в нашей гомосексуальности, чтобы потом применить к нам насилие.

Я сделал полис ОМС, и мы пришли в больницу, но без местной прописки меня отказались лечить. Вот и все, что нужно знать про нашу медицину.

Я окончательно потерял самостоятельность и почти все делал через Лизу, потому что у меня постоянно был стресс, вызванный общением с посторонними. Алкоголь частично купировал эту тревожность, и я периодически спивался, чтобы иметь полнофункциональную возможность общаться.

Хотелось сменить имя и наконец отречься от прошлого, я настрадался с ним. Я сменил имя, чтобы чувствовать себя более уверенно. Мое первоначальное имя ассоциировалось только с буллинггом в детстве.

Я продолжил заниматься ABDL в Курске, поскольку это было единственное, что давало мне чувство спокойствия. Я никогда раньше не покупал подгузники очно, ибо для меня это всегда был стыд, я заказывал их доставкой, — но в Курске из-за сломанного домофона у меня не было такой опции. Поэтому я посылал Лизу за ними.

ЧАСТЬ III — ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

В один такой день Лиза вышла в Аптеку, а по пути ее остановили оперативники МВД в штатском, которые якобы выслеживали подозрительных лиц — именно в моем дворе. Лизу схватили, но она запаниковала и стала их всех снимать, в результате чего я узнал об этом и выбежал на помощь.

Нас рассадили по разным машинам и увезли в отделение. С нас сняли образцы ДНК, отпечатки подошв и IMEI/ISMI телефонов, продержали свыше

нормы в 3 часа, провели беседу с антиукраинской пропагандой и отпустили, не предъявив никаких обвинений.

Нас, вероятно, выследили по данным Яндекс.Такси. Мы ни разу не заказывали доставку на дом из-за сломанного домофона, поэтому у них не было нашей точной квартиры. Зато был примерный адрес, куда я приезжал чаще всего.

4 ноября в одно и тоже время у нас в обеих квартирах — у Лизы и в квартире, которую я арендовал, — провели обыск и конфисковали все наши технические средства.

Я снова почувствовал себя лишенным коммуникации, ибо у меня снова забрали все телефоны и всю технику, что только могли унести.

Я не мог продолжать жить в России, зная, что где-то пытаются людей, и меня тоже пытали. Я не мог продолжать жить в России зная, что даже если ты отсидишь срок в тюрьме и после него не выйдешь ни на один митинг и не напишешь ни одного поста, тебя все равно будут бесконечно и безостановочно преследовать, тебе будут постоянно угрожать, конфисковывать имущество, без которого ты не сможешь работать и просто умрешь на улице.

У меня были внутренний паспорт на новое имя и загранпаспорт на старое имя. Меня бы вряд ли выпустили из страны с таким загранпаспортом, а обновить его не было времени. Поэтому мне пришлось улететь из России в Армению, а Лизе сразу в Грузию.

ГЛАВА VII — ПРОЩАЙ РОССИЯ

ЧАСТЬ I — АРМЕНИЯ

Прилетев в Армению, я почувствовал легкое облегчение. Стало гораздо менее стрессово жить, потому что теперь я находился в стране, которая даже наземной границы с Россией не имеет. Я думал, что мой стресс пропадет навсегда, и надеялся, что все образуется.

В это же время я чувствовал себя совершенно потерянным и одиноким в неизвестной стране, где я никому не нужен и вряд ли смогу попросить убежища.

У меня совсем не было денег даже на самый дешевый отель, и я написал во все чаты и заполнил все формы. Я искал любой вариант, где можно пересидеть или переждать хотя бы до зарплаты.

Я очень долго ждал на территории аэропорта и не знал, куда мне деваться. К счастью, мне написали ребята из ЛОГОВА, которые организовали шелтер в Дилижане.

ЧАСТЬ II — ШЕЛТЕР

Я прибыл в шелтер, и мне было стремно. Я метался, входить мне или не входить в него, мне не хотелось никого тревожить собой. Я вошел — а там была полная кухня людей, которым было интересно, кто я и откуда. После рассказа, что со мной произошло, даже они были в шоке, там в основном прятались россияне призывного возраста, которые не хотели, чтобы их забрали в армию.

Несколько дней я жил в шелтере, моя комната была пуста, и я был рад, поскольку даже в другой стране, даже среди своих я бы не смог заснуть в присутствии посторонних.

ЧАСТЬ III — ЕРЕВАН

Когда я получил зарплату, а сделать это было очень непросто, я переехал в Ереван, где мне помог трансгендерный парень Том, местный друг Лизы. Он помог мне снять квартиру и понять, как жить в Армении.

Также он очень сильно помогал мне социализироваться. Однажды позвал меня на вечеринку, где собрались все его друзья, и мы там просто ели, общались, напивались.

Сначала я планировал сделать новый загранпаспорт в консульстве РФ в Ереване, попутно узнавая, что можно сделать в моей ситуации. Узнал, что можно уехать в Грузию к Лизе по загранику на старое имя.

Я уехал из Армении, поскольку без Лизы я начал спиваться, чтобы поддерживать коммуникативные способности.

ЧАСТЬ IV — ВОССОЕДИНЕНИЕ

Когда я приехал, мы с Лизой встретились на станции и отправились к ней. Мы решили отправиться жить в Батуми, поскольку туда же переехал и мой босс, там было и море, красивые современные дома и много чего.

ЧАСТЬ V — БАТУМИ

В Батуми мы сняли комфортную квартиру, но была она совершенно на отшибе, в деревне, но все еще в шаговой доступности города.

Мы с Лизой очень много готовили, особенно мои фирменные кислощущие щи. Мы также решили позаниматься ABDL, но выбор подгузников в Грузии был невелик.

Я усердно работал, чтобы пересесть с ноутбука за 15 000 рублей (150 евро) на ноутбук получше. Купил на амазоне за 700 долларов.

У нас была шикарная мягкая кровать и 1001 развлечение, но Лиза тосковала по Тбилиси и людям, мы почти никуда не выходили.

Я решил разнообразить это, и мы сходили на чайный вечер в игровую зону к моему начальнику и его девушке. Они собирались по вечерам и играли в настолки в чем-то типо кафе.

ЧАСТЬ VI — ТБИЛИСИ

Мы вернулись в Тбилиси, чтобы у нас было больше возможностей посещать посольства разных стран, где мы пытались попросить убежище. В Грузии были очень опасные праворадикальные и гомофобные настроения в обществе и политике. Я перестал чувствовать себя в безопасности.

Почти никто не отвечал на наши запросы виз для въезда за убежищем. Мы не хотели въезжать нелегально и понимали, что в Грузии нам также будут не рады, если мы начнем процедуру в ней. При этом Грузия была довольно уютной, простой и дешевой страной, где было очень просто интегрироваться. Если бы не гомофобия и уверенность, что грузины мне бы не дали убежище, я бы, наверное, остался.

ГЛАВА VIII — СВОБОДА РАВЕНСТВО И БРАТСТВО

ЧАСТЬ I — ОДНИ НА УЛИЦЕ

Мы прилетели в Париж и не знали, куда идти дальше. Знакомые насоветовали нам ассоциаций, но ни в одной нас не смогли принять, и мы остались жить фактически в терминале аэропорта. Не было ясно, куда дальше двигаться и как выживать.

Некоторые наши «помогаторы» давали очень странные советы, мы пытались следовать им, надеясь, что это уместно в рамках местной культуры и общества, но они были такими же глупыми, какими я их и представлял.

Сначала мы долго искали Красный Крест в пределах аэропорта Шарль де Голь. Мы встретили пару сотрудников оттуда, и они направили нас в терминал 3 из терминала 2F, — но там, как оказалось, ничего нет. Время шло, а мы так ни к чему не пришли.

Очень болели ноги. В один прекрасный момент я просто сел на траву и понял, что лучше никуда не идти, поскольку так мы только расходовали силы. На карте не было никакого здания Красного Креста, нас завели в непонятную ловушку.

Затем наши «помогаторы» пытались отправить нас в какую-то больницу. Нам оказались там не рады. Вообще, нам давали сугубо экспериментальные пути. Все это воспринималось не как помощь, а как издевательство над людьми в уязвимом положении, без дома, без денег, с тяжелыми чемоданами.

К счастью, девушка из другого чата сняла нам комнату на одну ночь в каком-то странном доме прямо в центре Парижа. Мы разгрузились и отдохнули, но осадок остался.

Утром мы позвонили в SPADA и записались на randevу, которое нам назначили только на завтра. Весь день мы занимались непонятно чем.

Мы пришли в очень далекую ассоциацию и нам сказали, что все равно нас некуда девать, поэтому нам пришлось отправиться в ночлежку 115.

ЧАСТЬ II — НОЧЛЕЖКА

В ночлежке у меня начались тюремные флешбеки. Такое иногда бывает, когда я вижу режимные объекты: заборы, решетки, полы из битой керамики. Не то чтобы у меня галлюцинации, просто бывают чувства, что я в опасности или в изоляции, когда я вижу такое. Тогда меня стриггерил внешний вид внутреннего двора.

Лизе было комфортно, а меня преследовала мысль, что ночевать в терминале, даже без кровати, пищи и помощи было бы лучше, чем в ночлежке, в которой все было огорожено, как в тюрьме.

Кроме того, в кровать не пускали до 9 часов. За весь день я был измотан и уже был готов спать на полу.

Когда мы попали в комнату, это была буквально больничная палата на 5 коек, где кроме меня и Лизы были другие бездомные. Я пребывал в состоянии стресса всю ночь, не мог заснуть. В таком состоянии пришлось идти на randevу.

ЧАСТЬ III — БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ АД

Несколько дней подряд мы ходили в SPADA, OFII, Префектуру, все было в одном здании на бульваре Ней, перед открытием выстраивалась

огромная очередь. Каждый день тянулся очень долго, еще сложнее нам было добираться из ночлежки в Нантере до этого места.

Мы приходили туда, чтобы заниматься очень долгой бюрократией, и вот, казалось бы, нам выдали папку OFPRA и направили к OFII, мы взяли талон электронной очереди и прождали весь день, — а потом они просто закрылись и всех выгнали, не приняв никого.

Была пятница, это означало еще как минимум два дня как-то где-то выживать. В такие моменты даже такой «романтичный» город как Париж кажется серым и унылым лабиринтом, в котором тебе некуда идти.

Пережив остаток дней, мы все-таки получили встречу с OFII. Нас переместили в другой город. Тем не менее, осадок остался, мои ботинки и ноги пахли дохлой собакой, стельки в них были уже мертвы. Ботинки Лизы вообще имели сквозное отверстие прямо до асфальта.

ЧАСТЬ IV — МЕСТО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Когда мы приехали, это был маленький город на окраине Франции. В целях безопасности я не буду раскрывать точное место.

По прибытию нас никто не стал встречать, хотя предварительно об этом упоминалось. К счастью, у нас были гугл-карты и местная симка с интернетом, и мы прошли пешком до CAES.

В общежитии я практически не выходил из комнаты. Когда я сидел в туалете и кто-то сумасшедший пытался его открыть — при том, что он явно был занят — такие моменты создают у меня панику. Мне страшно было спускаться вниз, готовить пищу и есть ее там при других. Страшно было устанавливать какие-то социальные связи.

Лиза хоть и чувствовала себя свободнее, но желание надеть свои платья у нее перебивалось местным контингентом общежития, ведь не все люди толерантны, а уж тем более беженцы из таких же диктатур, как и наша, а может быть, и хуже.

ЧАСТЬ V — ДОСЬЕ OFPRA

У нас появилась социальный работник, и нам нужно было описать причины нашего запроса на убежище, уложившись в 4 страницы.

Я решил написать все заранее в цифровом варианте, так как вряд ли был физически способен озвучить все те ужасы, которые пережил. Я вложил туда самое главное из вышеперечисленного.

Кроме уже отбытого наказания за политику, я вложил и то, что могу подвергнуться наказанию за целую кучу разных статей от создания экстремистского сообщества до госизмены, если мои действия вскроются.

Затем мы с Лизой пошли на очное составление материалов для OFPRA, и там было очень некомфортно все это слышать даже на французском. Из всей выжимки социальный работник почему-то взяла самые болезненные темы, которые, по моему мнению, влияют меньше.

После такого каминг-аута я снова начал закапываться и думать, а не думает ли теперь наша социал, что мы ебанутые фрики. Ведь наши истории, наши кинки и то, что мы их продвигаем в РФ, — это очень сомнительная вещь.

ЧАСТЬ VI — ОТДЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Нас с Лизой расселили в отдаленный дом на окраине этого города, и мне стало спокойнее. Я больше не чувствовал чужой слежки и внимания к себе, но постоянная проверка запертости дверей никуда не делась.

У нас появился более-менее стабильный, пусть и мобильный, интернет, мы сделали проездные и научились пользоваться благами свободного альтруистического мира, такими как например Resto du Coeur.

Я налаживал контакты с местной AB/DL тусовкой уже в самой Франции, чтобы нам не было скучно. Мы познакомились с несколькими людьми оттуда, но пока никуда особо не выезжали т. к. прикованы к нашему городу. Но как минимум одна встреча с местными представителями нашей субкультуры у нас уже была.

Позже мы с Лизой решили навеститься по докторам. Мы практически сразу об этом говорили, но запись к ним здесь — это очень долго.

К психиатру нас не пустили вместе. Лиза пошла первой, и ей выписали таблетки. Затем пошел я, а там сидели два мужчины, один русский, похож на очень грубого скуфа, он был переводчиком, а второй француз, и я не смог почти ничего сказать и только отвечал на вопросы, меня панически трясло. Как итог, оттуда я ушел ни с чем.

Позже я смог сходить к другому доктору, и тот пока выписал мне только альпразолам, что вряд ли как-то купировало то, что, вероятно, у меня есть: комплексное ПТСР с элементами параноидального расстройства личности, депрессии и социальной тревожности. А следующее рандеву уже со специализированным врачом в этой области не скоро.

ЧАСТЬ VII — ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша жизнь беженцев во Франции на данный момент — в разы комфортнее жизни в Грузии или в России, и дело даже не в социальных благах, которых тут очень полно, а в чувстве недостижимости, безопасности и возможности вести любую из моих видов деятельности — не подвергнувшись преследованию и не находясь в постоянном стрессово-депрессивном состоянии, в ожидании, что все рухнет.

Конечно, вместо тех трудностей и переживаний появились новые, а именно: страх перед неизвестностью будущего в этой стране и его побочные страхи, например: как я буду рассказывать все, что написал на интервью в OFPRA. Пока что для меня это все очень сензитивные моменты, которые я не могу побороть.

Тем не менее, я верю и надеюсь, что самая сложная и самая черная полоса в моей жизни уже пройдена и теперь меня скорее всего ждет восстановление менталки, получение нормального образования и смена профессии на что-то, что выбрано не из-за денег, а ради удовольствия от жизни. Ведь жизнь только одна и будет очень грустно прожить только самые плохие моменты из нее.